

Гость газеты

**Надежда
Олешина**
г. Ростов-на-Дону

Фронтвики

...Шесть братьев: Иван, Уар*, Киприан, Исаак, Фёдор, Александр — все ушли на фронт. Отца, Терентия, из-за возраста не взяли.

Уар был в детстве озорной, драчливый, он учился на высшие баллы и отличался особенной набожностью. Учителя не понимали, почему все мальчишки-отличники отказывались брать одежду для пения в церкви, такой была награда за примерное поведение и отличную учёбу. Им было невдомёк, что петь всё равно пойдёт Уар. Поколотит любого, отнимет церковный наряд — и был таков. Директор гимназии говорил Терентию: «Давно бы выгнал

*Уар — русское мужское имя, имеющее греческие корни, старинная форма имени Увар.

вашего сына, если бы он не был лучшим учеником по всем предметам».

Перед Пасхой 1916 года в гимназии ожидали митрополита: подготовили литературно-музыкальный концерт силами лучших учеников. Несмотря на нарекания в поведении, Уару доверили читать наизусть длинное стихотворение. По его рассказу, когда он вышел на сцену, то представил, что все его грехи известны. Дар речи его покинул. Несколько минут ему пытались подсказывать, потом стащили со сцены. Преподаватели не верили никаким объяснениям, считали — Уар нарочно оскандалился, чтобы опозорить гимназию.

С того дня гимназист Уар стал скромным и застенчивым. Никто его не узнавал. После окончания гимназии, обучаясь на бухгалтерских курсах, проживая на частной квартире, он демонстрировал глубокую религиозность, по словам хозяйки, вёл себя «как красная девица».

С фронтов Великой Отечественной вернулись верующие Уар и Киприан. Исаак служил в разведке, Александр метко стрелял — был снайпером. Иван и Фёдор воевали в пехоте. Все четверо погибли в самом конце войны в разных городах Европы. Мать связывала это с их слабой верой...

Ушёл на фронт Уар в первые дни Великой Отечественной, дома оставались жена с двумя сыновьями, отец, других братьев тоже призвали на фронт.

Воевал в пехоте рядовым. В семье было принято зашивать в воротник написанные на чистой тряпице химическим карандашом молитвы: «Отче наш» и «Живые в помощи». Но спасали, говаривал Уар, не тряпицы, а живая вера и Божья милость.

Однажды несколько холодных суток ему пришлось провести в сырых, холодных окопах под регулярным обстрелом артиллерии противника. Стоял морозец, а приказа наступать не было. Уар решил немного обогреться в блиндаже. Пополз вдоль одиночных окопов, огибая зябущих бойцов, достиг блиндажа, но там таких желающих согреться набилось столько, что внутрь блиндажа не попасть. Махоркой из блиндажа несло нестерпимо.

Уар не курил и терпеть не мог даже запаха табака. Промаявшись несколько мгновений, понимая, что внутри он теперь и сам не хочет, боец отправился на свою позицию, утешаясь мыслью, что, двигаясь, согревается. На том самом месте, откуда он уполз, отправившись в блиндаж греться, зияла свежая воронка... Скатившись в неё, Уар услышал, как пронеслось по цепи: «Прямое попадание в блиндаж, погибли семнадцать человек!»

На этом месте своего рассказа Уар обычно замолчал, никаких комментариев не делал, а на вопросы слушателей говорил: «Думай что хочешь!»

Поздравляем
с Днём Великой
Победы!

**Виктор
Игошин**
г. Ростов-на-Дону

22 июня 1941 года

Мне хотя бы на час —
в эти грозные дни,
в эту очередь к военкомату,
где часами упрямо стояли они —
не бойцы, но уже не ребята.

Всё, что было вчера —
этот бал выпускной
и ровесницы в платьицах белых —
всё с утра перечёркнуто
этой войной.
Позабывто. Прошло. Пролетело.

Мне бы в эти глаза
хоть разок посмотреть,
эти руки пожать на прощание.
Им за Родину выпала честь умереть,
клятву дать
и сдержать обещание.

Нам об этих мальчишках
не помнить нельзя,
да и совесть позволит едва ли.
Только глянув вокруг,
опускаю глаза —
не за это они погибли...

Нужно самую малость
Человеческих сил,
Чтоб совсем не осталось
Безымянных могил.

Чтобы с нас было снято
Это чувство вины
Перед каждым солдатом
Той Великой войны.

Много дел у Харона
Было в те времена —
Двадцать семь миллионов —
Это наша цена.

Черный след похоронок
Ни стереть, ни замывать.
Двадцать семь миллионов
Невозможно забыть.

От Урала до Бреста,
От Баку до Карпат
Нет подробных реестров
Ни потерь, ни утрат.

Нет доподлинной сметы.
Не писали пока.
У Великой Победы
И цена велика.

**Алла
Юрина**
п. Каменоломни,
Октябрьский район,
Ростовская область

Низкий поклон Ивану Андреевичу Фетисову, пастуху Деду Чёрному, спасшему в 1942 году мою маму в холодной степи

Лиза и Дед Чёрный

Осень. Тёмная холодная ночь. Первые заморозки давали о себе знать. Особенно это чувствовалось в степи. Колкий ветер гонит траву перекасти-поле вместе с сухой морозной пылью, швыряет её на торчащие места из земли колышки убранный подсолнечника.

Холодные звёзды безучастно смотрят на эту пустынную землю и на одинокую фигуру женщины, бредущую по этому полю.

Женщина брела и брела, оскальзывалась на мёрзлых кочках земли, не чувствуя холода. Платок сполз с её головы на плечи, тонкий пиджак продувался насквозь холодным ветром. Охалки перекасти-поле бились в её спину, голову. А она шла и шла, ничего не замечая, и одна только мысль терзала её: «Как там?... Что с мамой, доченькой?..»

Охватывал ужас от случившегося: «Зачем побежала? А что, если?...» Но она не хотела того, о чём подумала. Женщина шептала молитву о спасении, которую знала ещё с детства. Сил не хватало идти. Споткнувшись, она упала...

Лиза, так её звали, уже не понимала, где она, что с ней происходит. Мелькали в голове, как в кино, кадры из жизни.

Вот по лугу, широко раскинув ручонки и смеясь, бежит девочка. Кто она? Лиза или её доченька Надюша?

Вот она провожает на фронт своего мужа. Новобранцев ведут колонной в Новочеркасск, и они, женщины, идут по обочине дороги, провожают своих мужей уже без плача и крика, а только шепчут их потрескавшиеся губы: «Вернитесь, родные!»

А вот и этот жуткий фашист в громадных сапожищах пинает её рыдающую мать... Соседка по коммуналке с перекошенным от страха лицом.

Темно-темно...

О, Боже, да она в кошаре что ли? Овцы блеют. Как тепло и больно.

Лиза с трудом открыла глаза — темно. Попыталась встать — не смогла. Ощупала себя руками. Что-то мягкое, меховое. Шкуры. Она укрыта шкурами. Веет холодом и махоркой. Появился лучик света и тут же погас...

Кто-то большой чёрный навис над ней. Лиза зажмурилась, не дыша слушала.

— Ну вот, наверное, отогрелась уже, — слышала она тихий, сильный мужской голос, вражды в голосе не было, а было участие...

... Лиза рассказала человеку, что с ней произошло. А он молчал, и только при свете свечи было видно, как косточки на его больших грубых руках, сжимающих посох, побелели.

Это был пастух, мужчина с чёрной бородой и сам как будто чёрный — заветренный от мороза, ветра и горя. Про себя она назвала его: «Дед чёрный». Лиза не спрашивала его, почему он с овцами в степи, в этой землянке. Как-то так получилось, что она обо всём рассказала ему...

... Лиза отказалась от предложения сестёр, живущих по соседству, идти в комендатуру на веселье, пристыдив их: «А ещё комсомолки!»

Потом пришёл сизоносый полицай с немцем:

— Собирайся, комсомолка, пойдём.
Мать-старушка бросилась на колени, стала умолять пощадить, ведь у дочери малое дитя.

Немец ногой несколько раз пнул старуху, выхватил из рук Лизы дочку и бросил в кроватку, где та залилась громким плачем. Фашист выстрелил в потолок.

Лиза шагнула к порогу. Полицай толкал её в спину, при этом успел снять с гвоздя тулуп её мужа и прихватил с собой.

Одна мысль — бежать. А мама, дочь?

Оттягивая время, попросилась в уличный туалет. Немец и полицай закурили. За дверью туалета — дыра, дыра на волю. Побежала и всё. Яма. Крики полицая, лающий голос немца. Выстрел. Потом всё пропало...

Яма была воронкой от авиабомбы или гаубичного снаряда. И, когда Лиза упала туда, потеряв сознание, её присыпало осыпавшейся глиной. Поэтому ночью во тьме её не обнаружили.

Очнувшись, она вскрикнула от боли в голове, спине. Совершенно оглушённая поднялась на ноги, ничего не слышала и не помнила,

испытывала лишь неодолимый нечеловеческий страх.

Лиза не оглядываясь побежала в степь, подталкиваемая в спину волнами холодного воздуха. Бежала до тех пор, пока ноги не подкосились, и она упала, загнанно хрипя, и уже не могла подняться.

Очнувшись, приподнялась, посмотрела непонимающими измученными глазами на луну, которая показалась ей большой жёлтой дыней. Стояла мёртвая тишина. Превозмогая боль, она встала и пошла в никуда...

И вот теперь она здесь. Лиза умолкла и ждала совета. И совет был...

Надела старую фуфайку, рукавицы, предложенные дедом, потуже затянула платок на голове и пошла туда, куда указал её спаситель.

Война не притупляет, а обостряет чувство гуманности.

Шла целый день и вечер. Ночью подошла к дому. Присмотрелась. Никого. Всё тихо. Сердце то пыталось выпрыгнуть из груди, то замирало. Решила пока в дом не идти. Вошла в сарай, открыла ляду в погреб. Пахнуло сыростью. Спустилась и обмерла: кто-то дышал.

— Кто здесь?

— А ты кто?

Оказалось — соседкин сынишка-инвалид. Не узнав, зачем он здесь, сразу спросила о своей дочери и маме. Парнишка рассказал, что, когда её увели, наутро опять приходил полицай, грозился, что, если сама не придёт в комендатуру, убьёт всех.

В тот же день на площади была стрельба, и полиция порешили выстрелом.

Так они просидели до рассвета. Лиза постучала своим условным стуком в окно, она всегда так делала, когда приходила домой. Старушка-мать открыла ей дверь и залилась слезами, целуя её и причитая: «Как ты? Жива! Жива!»

Сердце Лизы билось в груди молотком, значит, живы ребёнок и мама. А в мыслях промелькнула благодарность тому, кто убил полицая, тому, кто выломал доски с задней стенки нужника, той благословенной ночи, яме, в которую случайно свалилась, и полицай её не нашёл.

Но теперь она дома, дома с родными, близкими её сердцу людьми.

Шёл второй год оккупации немцами посёлка. Это был конец октября 1942 года. Трудный год ожидания победы. Страх за близких людей и жгучая ненависть ко всему происходящему.

А потом были слёзы счастья — освобождение от оккупации, Победа и слёзы горя и отчаяния — погиб муж, отец её дочери.

Но жизнь продолжалась.

Ирина Ковзиридзе

г. Ростов-на-Дону

Крест

Что крест сегодня значит для людей?
Он – неизменный символ христианства!
И вознесён на куполах церковей,
И дарит нам духовное богатство.

Он Мономаха шапку украшал,
С ним рыцарь шёл в крестовые походы,
Он инквизиции процессию венчал
И паруса испанских мореходов.

Он означает высшую любовь,
Небесный путь от Бога к человеку!
Там, где ручьём текла святая кровь,
Нам путь спасенья был открыт навеки!

Он нам даёт свободу от греха,
Божественный подарок вечной жизни,
В проводники – Спасителя – Христа
И право на небесную Отчизну!

Художник

Великий наш Господь – Художник,
И красок много у Него.
Он – всей вселенной Автор тоже,
Не замирает кисть Его.

На шёлке неба пишет звёзды
Он яркой краской золотой
И лепестками лилий водных
Пруд осеняет голубой.

Из струй прозрачных соткан воздух,
Сияет солнечный восход...
Он чёрный бархат ночи поздней
И жёлтый месяц создаёт.

Холодной белоснежной сказкой
Он пишет зиму в шапках гор
И с разноцветной мягкой лаской
Рисует осени узор.

И блеск сверкающий алмаза,
Пейзажи яшмы, изумруд,
Сапфир, рубины и топазы...
Прекрасен драгоценный труд!

В морских глубинах Он ваяет
Кораллы твёрдою рукой,
Лазурью волны обрамляет
И пеной кружевной – прибор.

Как ни пытайся сделать что-то,
Но нет на свете ничего
Искуснее Его работы,
Резца талантливой Его!

Благодарю

Благодарю, наш любящий Господь!
За час рассвета и за час заката,
За жизнь земную, полную невзгод,
За вечность с Богом в будущем когда-то.

Благодарю за аромат цветов,
Ветров весенних радостную нежность,
За сладость мёда, чудный вкус плодов,
Колосьев ниву, снегопадов свежесть.

Благодарю за радость и печаль,
За смех счастливый и слезу утраты,
Любви безбрежность и надежды даль,
Что в трудный миг со мной всегда Ты!

Благодарю за веру во Христа,
Она есть драгоценный дар Вселенной,
Меня ведёт к подножию креста,
В святую вечность после жизни тленной!

* * *

Любите жизнь, она того достойна!
Преодолев преграды на пути,
задумаетесь вольно или невольно,
о тех дорогах, что пришлось пройти.

Воспоминанья нам доставят радость,
как обвинитель, будут укорять.
Так хорошо ошибок сбросив тягость,
держась за Бога с верой, устоять.

Любите жизнь, она – Творца подарок!
Ей так созвучна красота земли,
и вечный свет её влекущ и ярк,
как тот маяк, ведущий корабли!

* * *

Когда мы на небе увидим Отца,
То радости нашей не будет конца!
Воскликнем: «Спасибо, Иисус дорогой,
За то, что мы здесь и стоим пред Тобой!»
А Он улыбнётся и скажет, любя:
«Спасибо тебе, дорогое дитя,
За то, что однажды поверил в Меня
И веру пронёс, в своём сердце храня».

Ольга Ткачёва

г. Шахты

Знак судьбы

Посвящается 210-летию
Отечественной войны 1812 года

Война двенадцатого года...
Спешит в Москву Наполеон,
Но не видать нигде народа,
В пустынный город въехал он.

Но жители в Москве остались –
Те, что уехать не смогли,
По мере сил они старались
Вредить французам, как могли.

В ту пору отставной военный
В почтовом ведомстве служил,
Был возраст у него почтенный,
Он в доме рядом с почтой жил.

Старик из окон на дорогу
Смотрел, и вот он увидел,
Как офицер, позвав подмогу,
Толпу людей на почту гнал.

А там заставил их трудиться –
На почте моют и метут.
«Зачем бы им так суетиться?»
Наверно, Бонапарта ждут!

Его сразу я непременно!» –
Решимостью горя, старик,
Схватив огромное полено,
На почту тайно с ним проник.

В суворовских войсках когда-то
Он лихо в Альпах воевал,
Любил свою Отчизну свято
И подвиг совершить мечтал!

На почте каждый закоулок
Отлично старику знаком,
И мимо вражьи караулов
Прокрался на чердак ползком.

Три дня сидел и ждал в засаде,
Страдал – еды нет и питья,
И не было (к его досаде)
Ни пистолета, ни ружья.

Вдруг слышит, к почте подъезжает
Коляска, там – Наполеон!
Полено старичок хватает
И целит в полководца он.

Приподнял дед полено выше...
Пора! Напрягся в меру сил,
Снарядом этим прямо с крыши,
Пылая гневом, запустил!

Но не попал (не та сноровка!)
Охрана обыск начала...
Его спасла одна кладовка,
Где мебель свалена была.

Французы почту обыскали,
Кладовку эту не нашли,
Злодея так и не поймали,
О том начальству донесли.

Подумал Бонапарт: «Как скверно!
Полено с неба просто так
Нигде не падает. Наверно,
Судьба даёт какой-то знак!»

Нельзя в Москве мне оставаться,
Грозит мне гибелью она.
Пора отсюда выбираться,
Прощай, суровая страна!»

И вскоре армия французов
Москву покинула, а там
Их гнал находчивый Кутузов
По выжженным войной местам.

Ну а старик? Он тихо скрылся,
О том, что было, промолчал.
В конце войны засуетился,
За подвиг свой награду ждал...

Начальство головой качало:
«Ведь нет свидетелей, чудак!
Твоих рассказов, братец, мало,
Не можем наградить никак!»

Сановник важный потешался:
«То, верно, был француз другой!
Откуда Бонапарт там взялся?
Какой вы, батенька, смешной!»

Прошло после войны полвека,
И вот в журнале* как-то раз,
Смешного вспомнив человека,
Печатают о нём рассказ.

Прилежный автор не ленился,
Подробно, ярко описал,
Чем тот старик так отличился,
А имя... так и не назвал.

Но в памяти людей остался
Тот подвиг деда удалой, –
Как мог за Родину сражаться,
Хоть без награды, но герой!

* Журнал «Русский архив» №11, 1868 г.

Гость газеты

Марина Картавых

ст. Шумилинская,
Верхнедонской район,
Ростовская область

Весенний дождь

Поднялся ветер свежий, майский,
И небо всё заволочло.
Дождём покой нарушен райский,
И капли стукнули в стекло.

Порывы ветра участились,
И дождик капал всё быстрее,
А тучи ниже опустились,
Затих бедняжка соловей.

Всю ночь ненастье продолжалось,
Хлестали ветки об окно.
Как будто в споре состязались,
Кто победит, пока темно.

Под утро дождь смирился первым,
Устав буянить, ветер стих,
А соловей, нахочлив перья,
Пил капли с листьев молодых.

Детство

Небо голубое, словно дымка,
Придело крыши у домов,
И туман серебряной косынкой
Плавно лёг у спящих берегов...
Никуда от возраста не деться,
От тоски порою не уснуть,
В это время хочется мне в детство
Хоть во сне немного заглянуть.
На лугу в ромашках затеряться,
Побродить немного у реки,
За красивой бабочкой погнаться,
Дать корове Зорьке хлеб с руки.
И, вдохнув молочный запах сладкий,
До неё дотронуться тайком,
А она лизнёт тебя украдкой
В голову шершавым языком.
По дороге шумною гурьбою
Знойным днём бежали босиком,
И весёлой пёстрой толпою
В играх поднимали пыль столбом,
И с утра до самого заката
Эхом раздавались голоса...
Очень жаль, что нет туда возврата,
Вдаль умчалась детства полоса.
Время незаметно так минуло.
Уходящих дней немного жаль.
Детство золотое промелькнуло,
Оставляя мне в душе печаль.

Сенокос

Давным-давно, ещё девчонкой,
Ходила с мамой на покос.
Вставали рано, с зорькой томной,
Чтоб сделать первый свой прокос.
Я всю дорогу шла и пела,
В руках бидончик был с водой,
Мать принялась скорей за дело,
Назад не скоро нам домой.
Её работой любовалась.
Такая доля ей досталась –
Косила мама как мужик.
Роса обильная на травах,
Подол намок, к ногам прилип.
Несу ей пить, она устала.
Труд деревенский так велик!
Над нами в небе птицы пели,
И солнце стало припекать.
Глаза мои отяжелели,
И я успела задремать.
Проснулась. Мама всё косила.
Без папы было нелегко.
Брала она откуда силы,
Чтоб было в доме молоко?
Назад шли молча, я не пела.
Мне маму было очень жаль.
И так я сильно захотела

Убрать с лица её печаль.
А годы шли, родной не стало.
И день тот ветер вдаль унёс.
Я очень часто вспоминала,
Как шли мы с ней на сенокос.

* * *

Я в Божий храм вошла, чтоб помолиться,
Оттуда выйти с чистой душой.
Смотрели на меня святые лица,
И Сам Спаситель был передо мной.

Зажгла свечу я и перекрестилась,
Слова молитвы вслух произнесла.
От благодати слёзы покатались,
Душа покой пред Господом нашла.

Одну свечу – за упокой усопшим,
За здоровье – другую – всем родным,
Как знак молитвы перед ликом Божьим
С прошением к угодникам святым.

«Святой и крепкий и бессмертный Боже,
Прости, помилуй грешную меня...
Иисусе Сыне Божий, всё Ты можешь,
Спаси меня от вечного огня...»

Наверно, было так угодно Богу –
В молитвах обрести душе покой.
Заблудшему укажет Он дорогу,
Вернёшься в жизнь уже совсем другой.

**Людмила
Бардашова**

п. Каменоломни
Октябрьского района
Ростовской области

Счастливым билетом на всю жизнь...

Воспоминания о донском писателе
А. В. Калининне

История моей незабываемой встречи с известным донским писателем Анатолием Вениаминовичем Калининным такова...

О нём я узнала, когда училась в старших классах, а помог мне один неординарный случай, а вернее, счастливый билетик в кино.

Это было летом. На экраны нашей страны вышел художественный фильм «Возврата нет»...

В то далёкое время мы переехали из г. Шахты в казачью станицу Дубенцовскую, которая раскинулась в трёх километрах от реки Дон. Там я вновь продолжила учёбу в школе. На селе жизнь хоть взрослых, хоть детей видна как на ладони. Я быстро освоилась среди своих одноклассников, нашла общий язык с другими сверстниками, хорошо знала в лицо всех взрослых в станице.

Помню, стоял тихий, безветренный вечер. Бархатисто-розовый закат укрывал своими объятиями станицу и дарил лёгкую прохладу вечера. В нашем дворе у забора стоял колодец с холодной родниковой водой. Мы считали эту воду целебной, пили с удовольствием, готовили пищу, поили птицу, животных.

Наша корова Апрелька тоже очень любила эту воду. Вечером она самостоятельно приходила с пастбища, толкала и открывала калитку, входила во двор, останавливалась у колодца. Она мычала, подавая нам знак, что пришла. Мы выходили к ней и поили свежей водой.

Однажды, как обычно, услышав голос нашей любимицы, мы с мамой вышли на зов. Мама села на лавку, стоявшую под раскидистой яблоней, которая росла у колодца и клонилась к земле под тяжестью наливающихся плодов, а я стала поить корову, которая жадно пила воду и дарила нам благодарный взгляд.

Я услышала разговор и весёлый смех. Это по улице шли мои подружки. Девчата остановились около нашего дома. Я угостила их колодезной водичкой, а они пригласили меня в кино. Это и был фильм «Возврата нет», наконец-то он дошёл и до нашей станицы. Мама предложила мне пойти в клуб и даже остаться на танцы, но при одном условии: я должна подоить корову. У неё сильно болели руки. Мои подружки ушли, а я побежала доить корову.

Корова будто поняла наш разговор, допив воду, пошла на баз. Мигом я подоила Апрельку, внесла в дом молоко и вымыла руки с мылом. Уже второпях надела выходящее ситцевое платье, причесалась, взяла мелочь на билет и помчалась в клуб.

Ещё издали у клуба я заметила мужчину, стоящего ко мне спиной у мотоцикла с коляской. Он нервно курил папиросу. Его рука то опускалась вниз, то поднималась вверх. Подойдя ближе, я узнала в нём главного инженера администрации станицы Дубенцовской Г. В. Кожана.

Поздоровалась и в ответ увидела приветливый кивок головой. Но вдруг он остановил меня разговором, одновременно достал из нагрудного кармана шведки два билета на сеанс, протянул мне и пояснил, что жена передумала идти в кино. Ему стало жалко, что билеты пропадут, так как билеты в кассе он брал последние. Поэтому решил подбехать к клубу и отдать их кому-нибудь, кто очень хочет

посмотреть кино. Кожан загадочно улыбнулся и сказал: «Видно сам Бог послал тебя, мой юный ангел! Дарю тебе счастливые билеты в кино и маленькое напутствие в жизнь, я не хочу, чтобы мои ошибки повторялись в твоей судьбе. Когда придёт время, а оно не за горами, к тебе невзначай придёт и постучится в сердце первая любовь... Береги её, а главное — успей распознать. Она даётся один раз в жизни и такой уже не будет никогда. Не дай чужим людям разбить её, береги любовь».

Для меня тогда были непонятны его слова, но они меня очень удивили. Я стояла молча, слушала совет и кивала головой. А сама в душе рвалась в кино, ведь опаздывала на фильм, понимая, что он начнется. Радовал лишь счастливый, как сказал Г. В. Кожан, билет (тем более — бесплатный).

Моё юное сердце ещё не знало больших, бурных, красивых и нежных чувств любви, оно было свободным. Мне шёл уже шестнадцатый год. Многие у тогда не понимала — не знала цену столь значимым, весомым, волнующим словам, вырвавшимся из его души, которые я запомнила на всю жизнь.

Через минуту я была в фойе клуба, а за спиной слышался звук отъезжающего мотоцикла.

Я вошла в переполненный зал, мне освободили место и сообщили, что фильм только начался.

Фильм был снят режиссёром Алексеем Салтыковым по книге А. В. Калининна. В главных ролях: Нонна Мордюкова, Владислав Дворжецкий, Ольга Прохорова и другие актёры советского кино.

Кадр за кадром и действие художественной саги «Возврата нет» охватывало мою душу и уносило в реальные события того времени. Фильм рассказывал о жизни героев во время Великой Отечественной войны и после её окончания. Заставлял волноваться, переживать и плакать о событиях на большом экране. Я смотрела на одном дыхании и даже не заметила, как он окончился и свет в кинозале привёл в чувство меня и всех остальных.

Зрители молча выходили из кинозала. Казалось, над нами висело облако больших чувств и страданий. Группами расходились по домам в разных направлениях. Танцевать молодёжи не хотелось.

Мы с девчонками шли, вспоминали захватывающие моменты фильма и не смеялись, как обычно. Каждый высказывал свою точку зрения, делился своими впечатлениями от увиденного. Подойдя к своему дому, я простилась с друзьями у калитки.

На кухне у стола стояла мама и расставляла тарелки под окрошку. Увидев окрошку, я пришла в восторг, отпустила на время грустные эмоции и поспешила сесть за стол. Съев несколько ложек аппетитной окрошки, начала рассказывать маме о счастливом билете. Выслушав меня, мама улыбнулась и сказала:

— Главные герои фильма — это люди, которые живут у нас в Дубенцах, это Кожан и его семья. Вот почему они не смогли посмотреть этот фильм.

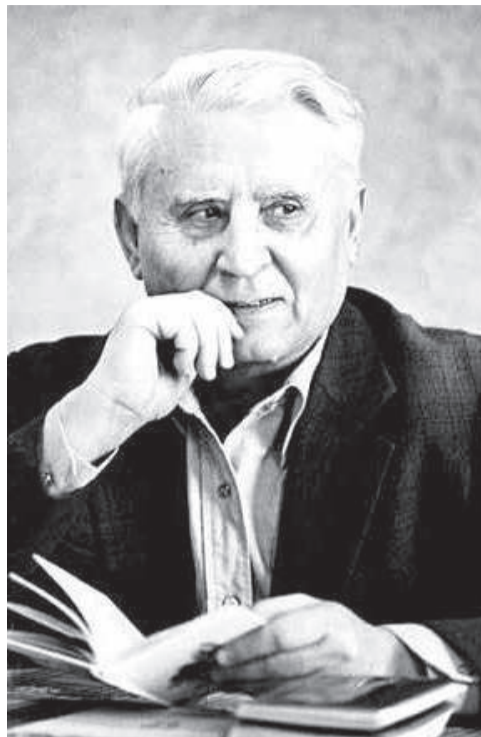
У меня моментально выскользнула ложка из рук. Я не могла поверить тому, что услышала и еле-еле выдавила из себя:

— Это правда, мама?.. Так вот почему он мне говорил о высоком чувстве — любви... Вот это любовь!

Этой ночью я долго не спала и перебирала в уме сцены из фильма. Сопоставляла с кинематографическими героями людей, живущих в нашей станице. Из головы не выходила встреча с Кожаном.

Но главное — меня успокаивало то, что я узнала великую тайну о дальнейшей судьбе героев. Ведь по фильму — они уехали на мотоцикле, а куда — никто не знал.

Я засыпала спокойно, зная, что у прототипов героев фильма всё сложилось хорошо. Руку помощи тогда предложил боевой друг Кожана, с которым они прошли всю

войну. Этот товарищ стал директором совхоза и смог пригласить на работу семейную пару, а правление совхоза выделило им жильё.

Прошло много лет. Я не живу в станице, но ностальгия прошлых лет и воспоминания влекут меня туда, где прошло безоблачное детство, где плескалось счастье, где встретила и потеряла первую любовь. Счастливый билетик всё же живёт в моей памяти.

Я читала замечательные повести, рассказы и романы талантливого донского писателя А. В. Калининна, которые несли огромное желание увидеться с ним и манили меня к перу.

Помню, где-то в начале 80-х годов мы всей семьёй вместе с соседями отправились на Дон. Думали поехать на базу от Шахтинского керамического завода, но, подъезжая к хутору Пухляковскому, наш сосед-водитель предложил остановиться, сказав, что здесь тоже прекрасные места. Все согласились, а наши дети радовались, что скоро будут купаться в Дону.

Приехав на место, мы восхищались донской красотой. Поставив палатку недалеко от берега, отправились купаться. Весь день провели, прекрасно отдыхая.

Плескаясь в Дону с детьми, я вдруг заметила высокого седовласого мужчину, одетого в белую шведку в тоненькую полоску, едва заметную глазу, и в тёмные брюки. Он стоял на берегу с приветливой улыбкой и наблюдал за нами.

Я почему-то невольно вышла на берег, что-то меня словно подталкивало, и села в лодку, чтобы позагорать в лучах вечернего солнца. Вдруг услышала мягкий добродушный голос подошедшего ко мне человека. Я обернулась. Передо мной стоял тот самый пожилой мужчина, который смотрел на нас с берега. Он, как бы невзначай, приветливо спросил:

— Ну как водичка?

Мой ответ был:

— Как парное молоко! Не хочется никому выходить из воды!

— Это верно! В это время всегда в Дону такая вода... — вдруг незнакомец неожиданно предложил: — А хотите, я вам расскажу, кто здесь ваш муж и ваши дети?

Меня заинтриговала эта беседа, а он продолжил:

— Вот эти две девочки ваши. Старшенькая похожа на вашего мужа, а вторая на вас, только у неё нет таких красивых и завлекательных ямочек на щеках, как у вас! Что же вы дочери их не подарили? — он улыбнулся лукаво и продолжил речь: — А вторая пара — это ваши друзья, девочка — копия папа.

Я была удивлена его пронзительностью и подумала: «Надо же, даже ямочки мои уловил на щеках и правильно распознал купающихся, и определил семью!» Меня поразила наблюдательность

незнакомца, и я подумала, что надо бы у него поучиться!

Мы ещё немного пообщались. Он пожелал нам хорошего отдыха и вновь продолжил свою прогулку по берегу Дона.

Я осталась сидеть в лодке, а тёплое общение с приветливым человеком подарило мне прекрасное настроение и чувство, будто знала его всю жизнь. Не каждый человек может обладать таким чудесным качеством — большой симпатией к людям.

Мы уехали домой на следующий день к вечеру, незнакомца я больше не видела. Если бы он пришёл, была бы рада его появлению и наверняка пригласила бы попить чаю с нами на берегу, но его не было.

Когда уже подъезжали к нашему посёлку Каменоломни, наш друг за рулём задал мне шокирующий вопрос, от которого я потеряла дар речи:

— Ну что, соседка, пообщалась с писателем Калининным вчера на берегу? — и засмеялся с хитрецей в глазах.

Я застыла в молчании, прокручивая в голове события вчерашнего вечера на Дону, и тут же нашумела на соседа:

— Что же ты мне не намекнул, что это был Калинин! — и упрекнула с горечью: — Я так мечтала его увидеть!

Взрослые рассмеялись, а муж мой добавил:

— Ну вот твоя мечта сбылась! Ты увидела писателя! — и тут же обратился к другу: — Ты хотя бы мне сказал на берегу, когда мы купались. Мы бы его встретили по-человечески!

Так в моей памяти осталась навсегда встреча с писателем А. В. Калининным.

Пролетело больше тридцати лет. Однажды я вместе с шахтинскими литераторами приехала по приглашению дочери писателя Натальи Анатольевны в усадьбу, где жил Калинин. Подходя к его дому, я увидела большое фото, с которого смотрел на меня седоволосый человек в светлой шведке в тоненькую полоску. От встречи с ним, пусть и на фото, моё сердце дрогнуло от радости, и вдруг я заплакала, вспомнив нашу встречу на берегу... Мы возложили к памятнику цветы и всей группой сфотографировались.

После, в музее-усадьбе А. В. Калининна на торжестве, я прочла стихи, которые посвятила своему любимому писателю. С того дня я каждый год бываю в усадьбе Анатолия Вениаминовича и встречаюсь с его супругой и дочерьми.

МАЯК

Посвящается Анатолию Калининну

Автор книжного романа —
Незабвенного «Цыгана» —
Стал за счёт телеэкрана
Популярным на века.

Вся страна кино смотрела,
Дифирамбы пресса пела,
И в столицу, было дело,
Приглашали казака.

Но Калинин жил в станице,
Не желал с Москвой сродниться
И писал, как говорится,
Долго, но наверняка.

Ни корней, ни убеждений
Не менял казачий гений,
Став для новых поколений
Чем-то вроде маяка...

**Николай
Перфилов**
г. Таганрог

22 июня

Стал самый длинный день в году
перетекать в прохладный вечер.
Запахли яблоки в саду,
и мяла мяту на ходу
к ним ночь, спешившая навстречу.
Земля вращалась, как всегда,
скрипя натруженной осью,
и проникала без труда
туманом ставшая вода
в потяжелевшие колосья.
Мир предрассветной тишины
был погребён в моторном гуле.
Своей не чувствуя вины,
без объявления войны
в мою страну враги шагнули.
Замки границ перекусив
и крови алчущий обильной,
ворвался зверь в простор Руси,
огонь и смерть в себя вместив,
рыча от злобы непосильной.
Разрывы, небо растерзав,
весь горизонт перевернули.
Со светом тьму злой рок связал –
лицом к лицу, глаза в глаза,
штык со штыком и пулю с пулей.
И стала плоть для стали вдруг
неодолимою преградой.
Ничто не ведало вокруг,
каким огромным будет круг,
десятый круг спирала ада.
И не могли предположить
в жестокой, страшной круговерти,
что, защищая рубежи,
предоставляют право жить
в тот день шагнувшие в бессмертье.

**Нина
Лихота**
г. Таганрог

Как вдоль поля... (Песня)

Как вдоль поля золотистого
да с пшеницею высокою
шли отрядом добры молодцы
да дорогою далёкою!

Солнце к западу склонялося,
сапогами травка мятая...
Мать слезами заливалась:
«Ах, война, война проклятая!

Что же сделала ты, подлая?
Разлучила мать с сыночками
и оставила несчастными
жён и девок одиночками».

Вслед бежали детки малые
босиком по полю-полюшку...
«Что же ты, война, наделала?
Принесла нам столько горяшка!»

Вон пшеница да не убрана,
на лугах трава не кошена...
Сможет ли дожидаться молодца
его милая, хорошая?

Шли солдаты да по полюшку,
шли по полю золотистому,
чтобы дать отпор напавшему
злому ворогу фашистскому!

Вы идите, добры молодцы,
а народ за вас помолится,
и пшеница золотистая
до земли вам вслед поклонится!

Коль вернётесь вы с победою,
на века себя прославите,
а коль сложите головушки,
память вечную оставите!

Как вдоль поля золотистого
да с пшеницею высокою
шли отрядом добры молодцы
да дорогою далёкою!

12 июня – День России.
Поздравляем!

**Елена
Никифорова**
с. Белый Колодезь,
Вейделевский район,
Белгородская область

Земля стонала от накала,
И пахло смертью, кровь лилась.
Казалось, места было мало.
Казалось, жизнь оборвалась.
Но, к удивленью, жизнь бурлила,
Встречали с трепетом весну.
А я рыдала и молила:
«Господь, остави войну!»
Сотри проклятую с планеты,
Не допусти сынов смертей,
Не для того сражались деды,
Чтоб лились слёзы матерей!»

Тихо, но так тревожно.
Нерадостная весна.
Кажется – невозможно,
Но рядом идёт война.
Даже притихли птицы,
И ворон гнезда не вьёт.
Грустные всюду лица,
Как страшно, война идёт.
Страшно, что гибнут где-то
Совсем ещё пацаны.
Мы не забудем это!
Чудовищен лик войны!

**Алла
Шатилова
(Гордеева)**
г. Ростов-на-Дону

Девочка – ровесница войны

Беженцев испуганная стайка,
Бережно укутывает в плед
Рыжего котёночка хозяйка –
Девочка, которой восемь лет.

Худенькая, смотрит не по-детски,
Плащ на ней болтается большой,
Кроха из республики Донецкой –
Девочка с израненной душой.

Чудом уцелевшая в бомбёжке,
Видевшая месиво из тел,
Девочка в поношенной одежде –
Тихая и бледная, как мел.

Помнящая тёмный смрад подвала,
Ставшая помехой для страны,
Избран где Бандера идеалом,
Девочка – ровесница войны.

Но крепка заступница Россия,
Выставив за зло нацистам счёт,
Девочку с пытливым взглядом синим
В будущее за руку ведёт!

**Раиса
Запорожцева**
с. Кручёная балка,
Сальский район.
Ростовская область

Приход зимы

Вот и зима подоспела,
Осень, бесследно пропала...
Ласточкой лето пропело –
Кануло, как ни бывало.

Снова морозы с ветрами
Голую землю целуют,
Стужа витает над нами,
Сердце по лету тоскует!

Тёплых дождей перезвоны
Часто мне снятся ночами,
Парка зелёные кроны,
Радуги цвет над полями.

Солнечный лучик надежды,
Вспыхнув, погас, замерзая...
Знаю, не будет, как прежде –
Вьюга следы замечает.

Наедине с луной

Наедине с луной
Сегодня посижу,
Быть может ей одной
О мыслях расскажу...
Прозрачно-голубой
Льёт свет в окно она,
Вокруг царит покой,
На улице – весна!.

Там, высоко вдали
Тускнеет купол звёзд,
А мы всё говорим
О том, как мир непрост,
Как хрупок шар земной...
Но людям невдомёк,
Какой большой ценой
Окупится урок.
С луной наедине
Сегодня мы сидим
И молча в тишине
О тайном говорим...
И обществом таким
Довольна я сполна –
Мы хорошо сидим,
И с нами – тишина!

Ромашки

Какое лето без ромашек?..
Они – как песня для души,
Чисты, как солнце, хороши!
Вон, сколько их – очаровашек!
Теплом их, так легко согреться –
Когда в букетик соберу!
И вместо солнца поутру
Они согреют моё сердце!

Июнь

Черёмуха венчальный свой наряд
Сменила на зелёный сарафан,
Неугомонные птенцы галдят,
Надело лето праздничный кафтан.

В саду плывёт клубничный аромат,
Листву ласкает нежно ветерок...
Ещё прекрасен мой тенистый сад,
А солнца луч ещё не так жесток.

Разбудят птицы пеньем поутру,
Забрызжет в окна голубой рассвет...
В саду клубники спелой наберу,
Пошлю июню пламенный привет!

Прощание с летом

Дождик идёт за окном –
Это прощается лето,
Тучи, раскатыстый гром
Напоминают об этом.
Осени рыжей глаза
В душу глядят мою властно.
Лета скупая слеза
Рвёт мою душу напрасно.
Лето, постой, погоди,
Слишком тебя было мало!..
Осень сказала:
– Уйди!
Мне здесь командовать балом.
Осень стучится в мой дом,
Душу тоской наполняя.
Ветер шумит за окном,
Мокрые ветки качая...

Межсезонье

В этих красочных днях межсезонья
Очень много живого тепла,
И в природе сплошная гармония,
Синь небесной криницы светла!

Ещё слышатся отзвуки лета
В каждом миге короткого дня...
Лишь знакомый скворец на рассвете
Своей песней растрогал меня.

В этой песне прощальное что-то,
Может быть, об ушедшем... родном...
Приближается время отлёта,
Скоро осень заплачет дождём...

Написать бы стих –
Мысли в разлёт...
Мне собрать бы их –
Боль не даёт.
Мне уйти бы прочь –
Ветер в лицо...
Непроглядная ночь,
Дождь на крыльцо...
И любви твоей плен –
Рай, для души!
Обещания – тлен,
Грёзы в тиши!

Однажды в жизни наступает сбой,
И тишина уже не режет уши.
Её готова я часами слушать
И наслаждаться этой тишиной,
И уноситься мысленно туда –
В страну далёких грёз, былой любви,
Когда нам пели ночью соловьи,
Сияла в небе яркая звезда...

Спасибо, Господи, за новый день,
За то, что я по-прежнему дышу,
За тёплый май, цветущую сирень...
Ещё за то, что я стихи пишу!
За изобилие светлых летних дней
И шум дождя, осенний листопад,
За то, что Ты всегда в душе моей!
Не дал упасть и повернуть назад.
Благодарю за внуков, за детей,
За радость жизни, красок гамму!
За самых преданных моих друзей,
Ещё за бабушку и маму!

**Людмила
Хорольская**
г. Ростов-на-Дону

Лиса из шифоньера

У моей мамы было очень красивое пальто. Оно было ярко-красного цвета, спинка была выстроена сложным узором, впереди — красные квадратные пуговицы. У всех на одежде были пуговицы круглые, а квадратных больших — не было ни у кого. Пальто это было без воротника, не как у всех. Висело оно в шифоньере на плечиках, я открывала дверцу и любовалась им.

Мама носила пальто редко, по большим праздникам, когда ездила в Краснодар на конференцию, да иногда в кино, куда они ходили с отцом. Для зимы к этому пальто надевался воротник из шкурки настоящей лисы, с головой, лапками и хвостом.

Лиса была великолепной. Она обрамляла мамину шею, свесив голову и лапки вниз. Её стеклянные глаза были зелёного цвета, зрачки — чёрные. Когда мама шла по улице, от ветра лапки шевелились, глаза как будто подмигивали, она была как живая. Но мне было совсем не страшно — рядом была моя мама, которой я очень гордилась, она была самая красивая, самая добрая и всегда меня защищала.

Мама целый день была на работе, из садика меня часто забирала старшая сестра Рита, она нянчилась со мной, пока мама не приходила с работы. Хоть сестра меня и любила, но, наверное, возиться со мной ей порядком надоело. Тогда мне было года четыре. Рита была на шесть лет старше, у неё были свои подружки и свои интересы. Девчонкам хотелось пойти на

улицу погулять, у них были свои секреты, а тут я, как хвостик, бегала за ними, всё подслушивала и подсматривала.

Вот однажды пришли к Рите подружки, и они все вместе собрались куда-то идти. Сестра мне и говорит:

— Посиди дома одна, скоро мама с работы придёт.

Я не боялась оставаться одна дома. Но как же так! Они без меня куда-то пойдут, там, наверное, будет очень интересно.

— Нет, я тоже с вами пойду!

Как ни уговаривала меня сестричка, я не сдавалась. Сначала хныкала, потом плакала и наконец заревела во весь голос. Рита поняла, что от меня просто так не отделаешься и вот что придумала.

Она подошла к шифоньеру, вытащила оттуда лису-воротник, взяла её за шею и за хвост и начала трясти. Голова лисы поворачивалась из стороны в сторону, стеклянные глаза сверкали зелёным светом, лапки болтались — будто бежали, хвост шевелился — будто вилял. Лиса стала совсем не такой, какой я её привыкла видеть. Сестра и говорит мне:

— Ты знаешь, лиса наша недавно ожила. Я даже еду и водичку ей в шифоньер ставлю. Только оттуда не выпускаю, чтобы она никого не покусала. Это мой секрет. Если ты будешь продолжать орать и не отпустишь меня к подружке, я её выпущу, и она тебя покусает, а у лисы зубы острые.

И Рита с новой силой стала трясти лису. Лапки опять забегали, глаза засверкали, я испугалась и сказала:

— Иди куда хочешь, только спрячь лису в шифоньер и подпри стулом, чтобы она не выскочила.

Сестра очень обрадовалась, спрятала лису, поцеловала меня и убежала. Я тоже была рада, что лиса опять взаперти и подставила второй стул, чтобы было надёжнее. Мимо шифоньера я теперь ходила на носочках, чтобы не разбудить лису.

Однажды утром мама, собираясь на работу, открыла шифоньер, чтобы взять свою одежду. Увидев это, я закричала:

— Мама, закрой скорее его, а то лиса выскочит и покусает нас!

Мама удивилась и спрашивает:

— Откуда ты это взяла? Она уже пять лет там лежит и никуда не убегает.

— Да, лежала, а теперь ожила и может всех покусать, — отвечаю я.

Мама увидела, что я дрожу от страха, а значит, что тут не обошлось без сестрички, которая уже к этому времени ушла в школу.

Чтобы меня успокоить, мама вытащила лису и говорит:

— Она не живая. Глаза у неё стеклянные, мозги и внутренности у неё вытащили и набили ватой, косточки в лапках высохли. Люся, возьми её в руки — сама увидишь.

В маминих руках лиса была и вправду неживой, но взять её в руки я побоялась, и всё равно продолжала осторожно проходить мимо шифоньера.

Зато теперь, когда Рите надо было куда-то уйти, а я просилась вместе с нею, сестра подходила к шифоньеру, чтобы открыть его, я сразу кричала:

— Иди сама, я останусь дома!

Так был решён этот вопрос.

**Елена
Ковтун
(Панаева)**
г. Ростов-на-Дону

Я сегодня рисовала

Я сегодня рисовала,
В банку воду наливала,
Кисть усердно полоскала,
Долго маму умоляла,
Чтоб она мне помогала.

Только мама так упряма,
Рисовать не любит мама,
Ничего не подсказала,
Головой лишь покачала
И готовить убежала.

И пришлось начать сначала...
Снова в банку кисть макала,
После краску выбирала,
Тряпкой руки вытирала,
Потому что я устала.

Что же вышло? Всё прекрасно,
На столе, на стуле — краска,
На лице, на платье — краска,
А листок бумаги — белый.
Рисовать мне надоело!

Как назвать куклу?

Принесли Катюшке новую игрушку:
Куколку-красавицу. Кате кукла нравится.
В васькином платье с белым поясочком.
«Как её назвать нам?» —
спрашиваем дочку.

Катенька-малышка в ней души не чаёт.
Говорим: «Иришкой?» Головой качает.
«Может быть, Светланой?»
Может быть, Мариной?»
Посмотрела странно...

Не подходит имя.

Предлагает папа: «Хочешь, будет Люсей?
Ну а может, куклу назовём Марусей?
Ну а можно — Дусей?» Губы разжимает,
Повторяет: «Туся!» — радостно кивает.

Предлагает братик:
«Может лучше Владой?»
Но Катюшке больше ничего не надо.
Повторяет: «Туся, Туся!» — и хохочет.
Кукла будет Дусей, так Катюшка хочет!

Неслухьян*

Во дворе июньский дождь
весело хлопчет,
А соседский пёс Барбос в будку лезть
не хочет.

Почему гуляет он во дворе без мамы
И идти не хочет в дом, глупый и упрямый?
Я боюсь, что рыжий пёс
может простудиться.

Заболит — вот вопрос:
чем тогда лечиться?

И разгневалась гроза в небе не на шутку,
И загнала сорванца-неслухьяна в будку.
Во дворе гремит всерьёз,

молнии сверкают,
И упрямый пёс Барбос больше не гуляет.

*Неслухьян — непослушный (русское народное выражение)

Озорница-Осень

Разыгралась красками озорница-Осень,
Жёлтую и красную на деревья бросив,
Голубую в белую кинула с разбега
И нарядным сделала облачное небо.
На рябинку тонкую не жалела краски —
Вспыхнули пожарами ягоды, как в сказке.
И дубы раскрашены, и нарядны ивы:
Все деревья разные, каждое — красиво...
Только ель зелёною всё равно осталась,
Потому что краски ей вовсе не досталось.

Правильное решение

В тапок мамы влез котёнок,
Он хотел его примерить,
Только не было силёнок
В тапке том дойти до двери.
И решил котёнок Боря:
«Обувь будет мне вредить,
В ней не сядешь на заборе,
Буду я босым ходить!»

Весёлые кошки

Весёлые кошки увидели мышку,
Задумали с ней поиграть в чехарду.
Попрыгали кошки за мышкой немножко,
Сначала — у дома, а после — в саду,
Потом догоняли жука по дорожке,
Потом от пчелы убежали они,
Ведь дружат со всеми весёлые кошки
В весенние, ясные, тёплые дни!

**Зинаида
Зинченко**
г. Миллерово,
Ростовская область

ВАСЫЛЫК

(Школьные истории
третьеклассника Васи)

День птичек

Сколько радости было у Васьки, когда на день рождения он получил подарок — новую школьную форму! Долго вертелся перед зеркалом, то и дело поправляя широкий ремень с блестящей пряжкой, затем стал маршировать, а дед Павел Иванович командовал репетицией перед предстоящим праздником — Днём птиц. К этому мероприятию, которое состоится 15 апреля, ученики в школе готовились заранее: мастерили скворечники, поделки, оформляли лозунги и плакаты, выпускали стенгазеты.

Васька уговорил родителей разрешить пойти на школьный праздник в новой форме. Что с ней может случиться? Старшеклассники укрепят на деревьях скворечники, а они, ученики начальных классов, с лозунгами и плакатами пройдут по улицам деревни. Затем будут викторины и конкурсы. Объявят победителей, наградят грамотами. А после — все ученики сядут в столовой пить чай со вкусными булочками. Васька заверил родителей, что ни одного пятнышка на форме не будет!

Наезженная широкая дорога проходила через лес. Весело, с шутками и песнями детвора каждый день без усталости преодолевала двухкилометровый путь от дома к школе. Возглавлял и командовал старшеклассник Генка. Сегодня в центре внимания был Васька Синицын.

— Васька, а ты чё такой весёлый? За новыми двойками торопишься? — схидно спросил Генка, которого раздражал довольный вид пацана и его острые шутки.

— А тебе какое дело?

— Самое прямое! Тем, кто принесёт птичьих яйца в школу, учителя по их количеству пятёрки будут ставить.

— Брехня! Нам этого не казали.

Начало на стр. 5

ВАСЫЛЫК

— А ты объявление в стенгазете читал? Читал?

— Не-е-е, я после уроков домой побег быстрее. Мне форму новую купили!

Генка смерил его взглядом с ног до головы:

— Да ты прям фраер! А карманы есть?

— Целых два! Во, гляди!

— Годится. Теперь осталось яйца из гнезд достать, и пятёрки тебе обеспечены. Учителя ставят за каждое яйцо по пятёрке.

— Пятёрки — это хорошо. Но зачем учителям яйца нужны? Они их шо, жарить будут?

— Однако, дотошный ты! Яйца будут наглядным пособием на уроках. Ученику надо знать, какие яйца несёт сойка, ворона, сойка, ну и другие лесные птицы. Уметь отличить их, чтоб не перепутать с яйцами домашней птицы. Давай, залазь на дерево...

— Мы в школу опоздаем! Вон, ребята уже далеко.

— Опоздаем из-за твоей болтовни! Лезь на дерево!

Деревья были усеяны птичьими гнёздами, и особого труда Ваське не составляло набрать целую фуражку яиц. Птицы подняли возмущённый крик, кружили над своими гнёздами, но опасность быстро миновала — Васька ловко спустился вниз, бережно держа в руках добычу.

— Молодец! А теперь вперёд! Догоняем ребят! — приказал Генка командным голо-сом.

— Яйца неудобно в фуражке нести. Может, поможешь?

— Тебе нужны пятёрки? Нужны! Ты и носи!

— А тебе? — наивно спросил Васька.

— Я ещё вчера отнёс. Нам, старшеклассникам, зачёт поставили.

Пройдя метров двести, Васька отстал от Генки. Идти быстро не получалось — боялся яйца разбить. Недолго думая, положил их в карманы, с облегчением вздохнул и ускорил шаг.

В класс успел за пять минут до начала урока и устало плюхнулся за последнюю парту. Раздался хруст и треск, который в общем шуме никто из одноклассников не услышал. Полез Васька в один карман, а там — каша, полез в другой карман — тоже каша.

В класс вошла учительница Анна Ивановна. Васька был поглощён своей проблемой: он нашупал в кармане целые яйца, их оказалось всего пять штук. Достал, обтёр слюной и положил в носовой платочек, руки вытер о майку — липкая жидкость неприятно коснулась живота. Содержимое карманов держало плотное сукно. Васька представил, как через некоторое время жидкость жёлтого цвета тонкой струйкой через штанину потечёт на ботинки. Вот это будет кино! В груди похолодело, он наклонился под парту. Сухо!

— Синицын! Не отвлекайся! — раздался строгий голос Анны Ивановны. — Ты чем занят?

— У меня шмурки развязались на ботинках, так я их...

— Правильно говорить нужно шмурки! Завяжешь на перемене. Ещё раз подобное повторится, поставлю двойку за поведение.

— Анна Ивановна, я больше не буду.

— Завтра переседаешь к Смирновой! И без вознаграждений!

Едва прозвенел звонок, ученики побежали строиться на линейку, а Васька направился к учительскому столу. В одной руке — носовой платок с яйцами, в другой — дневник.

— Вот! Пять яиц за пятёрки.

— Ты о чём, Вася? Не понимаю, — удивилась Анна Ивановна.

Васька положил драгоценную ношу на учительский стол.

— Ты что, разорил птичьи гнёзда?! Это же хулиганство!

— Нет, Анна Ивановна. Это по объявлению в стенгазете. Яйца — наглядное пособие для уроков. Настоящие! И вы за них должны мне пятёрки поставить.

— Васенька, а ты по дороге в школу никакую травку в лесу не рвал? Не ел

её? — забеспокоилась учительница. — Тебе не плохо?

— Не-е-е. Вчера лопуцки и калачики ел. Так мы их всегда едим по дороге из школы.

Анна Ивановна стала пристально рассматривать Васькины зрачки. «Странно. Никаких признаков, а ведёт себя неадекватно», — подумала она.

— Сколько пальцев на моей руке?

— Пять.

— А сколько портретов на стене висит?

— Да вы шо, Анна Ивановна, разве не видите? Один портрет! Пушкин.

— Молодец!

— Так вы пятёрки будете за яйца ставить? — нетерпеливо спросил Васька и протянул дневник.

— Говоришь, объявление в школьной стенгазете прочитал?

— Не я, а Генка Ковалёв. Он мне и подсказал, шо яйца нада принести.

— Ставлю двойку за поведение! А с Ковалёвым после разберусь.

Такого поворота событий Васька не ожидал! Анна Ивановна вышла из класса. Только сейчас он смекнул, что это была шутка, розыгрыш.

— Ну, Гындос! Держись! Я тебе тоже что-нибудь в отместку придумаю! — в сердцах произнёс Васька.

— Синицын, ты чё на линейку не идёшь?! — в класс стремительно влетела отличница Смирнова. — Ну, да-а-а-вай бысы... — и замолчала.

Вытаращив глаза, она с изумлением смотрела на Васькины ботинки.

Из-под штанов на ботинки струйкой стекали яичные желтки и капали на пол.

— А-а-а ты чё, у-у-у...

— Сама ты у-у-у! Птичьи яйца были у меня в карманах. Разбились! — он развернул носовой платок. — Теперь понятно?

Верка закивала головой в ответ. Лицо расплылось в улыбке, и она весело рассмеялась: — Ты, Синицын, иди лучше домой, а то ребята увидят, подумают ещё чего.

— Если не расскажешь, не подумают! Обещаешь, Смирнова? Нам теперь вместе за одной партией сидеть. Ты же не хочешь, чтоб меня «яешней» дразнили?

Васька так комично выглядел, что Верка-отличница от смеха не могла слова сказать.

— Да ну вас! — Васька схватил портфель и выбежал из класса.

Через спортзал можно было незамеченным выскользнуть за калитку школы, что он и сделал. Освободив содержимое карманов, вытер руки о траву. Закусил губу, стараясь не расплакаться. Он ведь обещал родителям, что на форме не будет ни одного пятнышка. Штаны придётся стирать в озёрной воде, и они должны успеть высохнуть до того, как родители придут с работы.

На пригорке рядом с озером обильно разросся камыш, образовав своеобразный островок. Там было тайное Васькино место, о котором никто не знал. В летний зной сухо и прохладно, а до наступления осенних холодов он смастерил шалаш, который утеплил старым ватным одеялом и фуфайками. Деревянный ящик служил вместо столика, в пластмассовой коробке хранились солдатки, рубль мелочью, несколько кусочков колотого сахара и сухари в газетной бумаге.

Вот сюда, в свой уголок детских огорчений и обид, спешил Васька. Так спешил, что не заметил на дороге коровью лепёшку. Поскользнулся и упал. А через час серый костюм из добротного сукна, рубашка, похожая на солдатскую гимнастёрку, белый воротничок — всё сушилось на камышовой подстилке. Неумело выстиранная детскими руками без мыла в озёрной воде новенькая школьная форма приобрела грязно-серый цвет, а от белого воротничка осталось одно лишь название. Смотрит Васька, и слёзы катятся. Нет, не наказания боялся, а страшно было папке с мамкой в глаза посмотреть. Да и перед делом стыдно, ведь он учил: «На чужие сказки не ведись, думай головой про жизнь. Дал слово — держи!» А вот слово Васька и не держал!

Было слышно, как по дороге проехала телега, как скрипел колодезный журавль под тяжестью студёной воды в ведре, доносились весёлые голоса ребят. Васька глубоко

вздохнул и стал собираться. Скоро сумерки наступят, и родители будут ещё сильнее волноваться. «Если бы ни Генка, ничего бы не случилось», — подумал Васька. Но внутренний голос доказывал обратное: «Своя голова есть на плечах, чтоб думать».

— Ва-а-а-сы-ы-ы-лы-ы-ы-ык! Уну-чо-о-о-ок! — мелодично прозвучал над озёрной гладью воды певучий голос бабушки. Из зарослей камыша бабушку не было видно, но потому, как звучали ласковые нотки в её голосе, Васька понял — ругать не будет. А вот, если бы мамка! Ту-у-у-т держись! И только о мамке подумал, как пробежал ветерок, зашумел камыш, рябью покрылась водная гладь.

— Васылык! Васька, негодник! Знаю, шо у камышах сыдышь! Иды до хаты, а то ремня получишь!

Ремня он не получит, это мамка для строгости кричит. Любят его в семье, и Васька это чувствует. Вон, как ласково называют — «Васылык». Твёрдой походкой Васылык направился домой. Набрал полную грудь воздуха и, едва переступив порог, произнёс:

— Я виноват! Форму вымазал. Слово не сдержал. Ругайте меня.

— Правильный поступок, — сказал отец, Григорий Павлович.

— А чем же это он правильный?! — возмутилась старшая сестра. — Васылык новую форму испортил, а она денег стоит! Вот придёт мамка...

— Охолонь, Надя! Васылык осознал, шо за свои проступки нужно отвечать. Значит, совесть у него есть. Это самое главное. А вот день птичек он теперь надолго запомнит.

Сочинение

Учительница русского языка Анна Ивановна дала домашнее сочинение на тему «Берегите родную природу». Сел Васька за стол, положил перед собой чистый тетрадный лист. Задумался. О чём он может написать? О том, как разорил птичьи гнёзда? Хотя он и оставлял по одному яйцу в каждом гнезде, но птицы ему спасибо не скажут. Ведь со временем из яиц должны были вылупиться их дети, птенцы.

И чем дальше думал Васька, тем тяжелее становилось у него на душе. Подошла бабушка, обняла за плечи:

— О чём задумался, Васылык?

— Сочинение задали. Не знаю, шо писать.

— Пиши, унучок, о чём думаешь. Мыслей у тебя много.

— Прям так и писать?

— А как же ещё? Надя потом проверит или...

— Ещё чего! Никому не дам проверять!

— Как хочешь. Бог тебе в помощь.

Бабушка ушла на кухню, а Васька подумал, подумал и старательно стал выводить первые строчки сочинения. Получились стихи. Хотя они не совсем соответствовали технике стихосложения и были с орфографическими ошибками, но шли из глубины детской души. Каждая строчка как будто очищала его совесть, и груз вины становился легче. Он перечитывал заново, исправлял, что не понравилось, и уже потом переписал в тетрадь.

Плачет на ветке синичка —

Милая, добрая птичка.

Тот, кто гнёзда разоряет,

Тот природу обижает!

В нашем классе есть такой,

Шо не думал головой!

Виноват! Я это знаю

И сегодня обещаю

Птичьих гнёзд не разорять,

А природу охранять.

Внизу написал дату — 18 апреля 1964 года.

Проверяя работы, Анна Ивановна решила сочинение Синицына прочитать одним из первых. «А всё-таки хороший из Васьки человек вырастет, настоящий!» — мысленно подумала и быстрым шагом направилась в кабинет директора школы:

— Дмитрий Ильич, я хочу снять с повестки собрания педсовета вопрос о поведении Васи Синицына, моего ученика. Вот, прочитайте, — она протянула сочинение.

Директор стал читать вслух. По выражению лица было видно, что детские стихи произвели впечатление. Он, то добродушно

1 апреля

улыбался, то качал головой, пожимал плечами:

— Анна Ивановна, ваша педагогическая методика воспитания правильна. Я не против снять вопрос о поведении Синицына. Надеюсь, что из этого ученика хороший человек вырастет!

Отомстил!

Васька думал, что отличница Смирнова расскажет всему классу о его конфузе с птичьими яйцами. Прошло три дня, а среди одноклассников никакой реакции. Тишина. То ли Верка время тянула, то ли ждала подходящий момент, чтобы рассказать.

К 1 мая в школе объявили конкурс сатирических стенгазет. Смирнова была редактором газеты «Ёжик» и решила привлечь Ваську к составлению и оформлению материала. Но слова прозвучали не как просьба, а как приказ. Конечно, Ваське не понравилось! «Три человека редколлегии, так она ещё и меня туда. Вот зараза едучая! Так и знал, шо не зря притихла!» — мысленно подумал он, но согласился.

Вожатая октябрят, старшеклассница Настя дала задание на дом, чтобы каждый член редколлегии написал заметку для стенгазеты. А после уроков она выберет самые лучшие и потом все вместе оформят сатирический материал. Всю дорогу из школы Васька думал, о чём написать. Никакой мысли в голове! Но после вкусных бабушкиных пирожков со сметаной мозги стали работать: «Ну, Генка, держись!» И сами собой стали складываться слова в стихотворные строчки.

Не ожидал Васылык, что его текст для сатирического раздела оказался самым лучшим — злободневным, как сказала вожатая Настя. Рисунки готовила Верка. Большой белый лист ватмана с двух сторон закрепили тонкими рейками. Получилась аккуратная, красиво оформленная стенгазета. Озорно улыбаясь, смотрел на учеников «Ёжик», словно предупреждал, что на острей его иголок попадут нерадивые ученики, нарушители дисциплины, лентяи и обидчики малышей.

А на следующий день возле стенгазеты третьеклассников стоял такой хохот, что слышно было на улице! Ученики по нескольку раз перечитывали текст, рассматривали красочные рисунки. О каком Генке идёт речь, догадаться было несложно. Да и Генка Ковалёв с первых строчек сразу понял — это о нём!

Генка, унучок,

Молоко пьёт, как бычок,

Ест галушки и блины.

Уже лопнули штаны!

Всё он пробует на вкус,

Харя стала, как гарбуз.

Генка пьёт сырые яйца,

И глаза, как у китайца!

Гындос, Гындос!

Он не курит папирос!

Курит он махорку,

Вырастет, как ёлка!

Нет, скорее, как кустарник!

Будет маленький, как карлик!

И назрел сейчас вопрос:

«Делать будешь что, Гындос?»

— Буду спортом заниматься!

Бегать, прыгать, закаляться!

Перестану я курить,

Буду с книгами дружить!

Жюри конкурса присудило первое место третьему классу за содержание и оформление сатирической стенгазеты «Ёжик». Генка Ковалёв после занятий хотел проучить Ваську, чтобы другой раз было неповадно язык распускать. Но... передумал. Видать, совесть в нём заговорила.

Ирина Ляхова

г. Азов

«Нас бьют — мы летаем от боли всё выше!
Крыло расправляя над собственной крышей.
Нас бьют — мы летаем, смеемся и плачем! —
Внизу оставляя свои неудачи».

(Песня)

Вопреки или время летать?..

Реплика

Я обессилена... Сознание порождает кошмары, смысл жизни сначала исчерпал себя, а потом породил новое бездорожье. Сказала

себе — ступай и смейся, потому что жизнь смешна. Потому что невозможного нет, потому что в чистых мозгах, очищенных от шелухи запретов, образуется сладость творить. Когда в моей улыбке отсутствует желание нравиться окружающим, то волна негатива, гонимая людьми, и гора непонимания отступают передо мной.

Надо писать, даже если придётся перешагнуть грань уютной правильной книжной реальности, к которой нас приучали. В той реальности всё контролируемо и предсказуемо другими... Я не писала почти год, для меня сейчас эти строки — путь к возвращению летать. Нужны крылья, чтобы творить, радоваться вопреки всем горестным событиям. Сейчас у меня одно крыло, может быть, я ошибаюсь, но по одному осталось у многих. Оно нелепо топорщится за левым плечом.

«Доброжелатели» стараются его сбить сарказмом, старательно прицеливаясь, но... я не обращаю внимания на это, рисуя иногда вечерами сказки на оборванной стене реальности, в которой мы все раньше жили. Люди живут на склонах прожитых лет, поросших

страхами-сорняками. Но... вопреки всему, стоит лишь только нам захотеть, как эти горбы судьбы покрываются цветами желаний. Что может быть важнее желаний, когда они порождают действия? Желайте, сейте и ухаживайте за семенами желаний, счастья, творческих сомнений, приятных волнений и зарождения НОВОГО ДЕЙСТВИЯ.

Неприятие этого Нового — побег от самого себя, он похож на обман, на игру в кошки-мышки с небом. И что бы ты ни возводил, и как бы ни загораживался потолком, крышей, любым искусственным навесом — небо так и останется над головой. Оно есть и будет. Прощу вас, берегите искры творческого огня, не расплывайте этот огонь в себе и в других. Будьте благосклонны — лишнее уйдет, но золотые крупинки останутся.

Давайте не будем идеализировать мир. Не надо. Это такое же глупое занятие, как и драматизировать мир, анализировать, консервировать...

Творческое движение!

Пусть будет не так поэтично, не так логично, не так трепетно, не так одухотворенно, НО БУДЕТ...

Поздравляем!

За победу во Втором Открытом городском поэтическом творческом конкурсе «Мы рождены для вдохновения»: Токареву Юлию (1 место), Астальцева В. Н. (2 места в трёх разных номинациях), Приходченко В. А. (3 место). Конкурс проводился филиалом № 16 Библиотекой им. А. С. Пушкина МБУК Ростовская-на-Дону городская ЦБС совместно с РО «Донское Пушкинское общество»;

Виктора Игошина, автора слов песни «Счастье» на музыку В. Губского, получившей Гран-при на 10-м Открытом Фестивале «Музыка Победы», проведённом МАУ Городской Дом Творчества;

За победу в Областном литературном конкурсе «Степные сполохи – 7», посвящённом 140-летию со дня рождения русского советского писателя, критика, литературоведа, переводчика Корнея Ивановича Чуковского: Раису Иванову (2 место) и Валентину Вакуленко-Штефанову (3 место).

Поэтический ринг

В рамках цикла встреч «Литературная гостиная ВЛС представляет» в библиотеке им. А.В. Калинина (пр. Нагибина, 45) в апреле и мае состоялись литературные соревнования «Поэтические ринги».

Состязание состояло из нескольких раундов по выбору игроков: гражданская лирика, любовная лирика, философская лирика, юмор, сатира и т.п.

В каждом раунде соперники должны были нанести по три удара – прочитать по три стихотворения.

После очередного раунда зрители голосовали розданными им фишками жёлтого и чёрного

цвета, в соответствии с выбранными противниками цветами углов ринга.

Паузы сопровождалась живой музыкой — песнями в исполнении ростовских музыкальных коллективов и бардов.

В конце игры по итогам голосования после каждого раунда секунданты подсчитали фишки и определили победителя. По итогам

голосования победитель получил «Золотое перо Победителя турнира». Проигравший — утешительный приз — шариковую ручку.

У участников поединков за спиной имеется многолетний литературный опыт, несколько побед на творческих состязаниях различного уровня от городского до международного.

Первая игра состоялась 23 апреля 2022 в Международный день книги между ростовскими поэтами Владимиром Астальцевым, кандидатом в члены СПР и Виктором Игошиным, оба являются членами ВЛС при РРО СПР. Гости встречи стали читатели библиотеки, члены ВЛС при РРО СПР, клуба «Общение». Вела поединок зав. библиотекой А.А. Попова. В этой игре победил с перевесом всего в две фишки Владимир Астальцев.

Игроки передали шпаги участникам следующей паре поэтов. Ими стали Павел Малов, член СПР и Андрей Данкеев, член СРП. Гости новой встречи, состоявшейся 29 мая 2022 стали читатели библиотеки, члены ВЛС при РРО СПР, клубов «Окраина», «Созвучие». Вела поединок зав. сектором библиотеки Л.М. Клевец.

На этот раз победу одержал Андрей Данкеев, а шпаги игроков были переданы члену ВЛС литератору Раисе Ивановой и известному ростовскому барду Лане Сноу.

Зрители и читатели библиотеки с нетерпением ждут следующей игры!

Анастасия Дергачева,

зав. сектором библиотеки им. А.В. Калинина

Александр Красиев

г. Ростов-на-Дону

ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ

Январь

Под гром петард и блеск салюта
На зимний трон взойшёл январь
Торжественно и ярко, будто
Он самый настоящий царь!
Среди других он первый месяц,
Хоть все они для нас важны,
Январь любого «перевесит»
По праздникам и выходным!
Он звался на Руси –

просинец

За то, что солнцем просиял
И сделал небо светло-синим,
И день на час длиннее стал.

Февраль

Февраль порою снежный,
льдыстый,

В почёте санки и коньки,
На ветках иней серебристый,
Но есть и тёплые деньки.
Засыпал снег все закоулки,
Неделю-две белел, блеснул,
Растаял вдруг, за ним сосульки –
Как-кап, и месяц пролетел!
Февраль всегда короткий днями,
Но долгий из-за холодов,
Хотя весна не за морями,
И каждый к радости готов!

Всё зримей, ближе утро года,
Бодрящий, радостный рассвет,
Проснётся спящая природа,
И будет мир теплом согрет...

Март

Промчался третий месяц года,
Он – зимобор,
протальник, март...
Весны отважный воевода,
Её надёжный авангард.
Зима сильна и не сдаётся,
А март – наследник февраля,
Ему не сразу удаётся
Весну поставить у руля.
Мы чувствуем её дыханье,
Уже сравнялся с ночью день,
Всё громче птичье щебетанье,
Покрылась почками сирень...

Апрель

Апрель в Ростове – не капель,
А листвен, травень, цветень!
В зелёную он акварель
Раскрасил всё на свете!
И пьют опять пчела и шмель
Нектар в его букете.
Цветут фруктовые сады,
Черёмуха в кипеньи,
Очаровательны кусты
Торжественной сирени,
И птицы нам на все лады
Поют в честь возрожденья.

Май

Много зелени, цветов,
Дымка голубая
В белой пене облаков –
Это краски мая.
Заливаются стрижи,
В воздухе мелькая,
Соловьи поют в тиши –
Это звуки мая.
Если аромат, как мёд,
Чувствуем, вдыхая,

То акация цветёт –
Это запах мая.
Веет тихий ветерок,
Теплотой лаская,
Чуть касаясь ваших щёк –
Это нежность мая.

Июнь

Июнь! Он середина года.
День самый длинный световой.
Настала летняя погода –
С утра жара, к полудню зной!
Уже и тополь пух отсыпал,
Свершились зимние мечты –
В цветении катальпа, липа...
Созрели первые плоды:
Смородина, малина, вишня,
Черешня, ранний абрикос...
Хлеба заколосились пышно,
И овощи июнь принёс.

Июль

Июль, обычно, самый жаркий –
Хотя б на день вернуть февраль!
Ещё мечтал я о подарке –
Волна, песок, морская даль...
Июль зовут макушкой лета,
В нём и страда, и сенокос.
Июль шафранового цвета –
Хлеба, подсолнух-медонос...
В нём есть красивые аккорды,
Свои букеты, стиль, душа,
А благодать его природы
Необычайно хороша!

Август

Последний месяц лета – август,
Стрижей утихли голоса,
Жара уменьшилась на градус,
А день – на целых два часа!
Принёс он нам арбузы, дыни,
Орехи, яблоки и мёд...
Цветут вальжно георгины,
Для хризантем пришёл черёд.

Прозрачный зной колеблет
воздух,
И зелена ещё листва,
Прохладной ночью, и ярче звёзды,
И гуще неба синева!

Сентябрь

Сентябрь – осени начало,
А это – первый взгляд зимы.
Певцов крылатых меньше стало,
Прохладу замечаем мы.
Великого Маэстро кисти
Картину нам преподнесли:
Живое разноцветье листьев,
Красу лесов, полей Земли...
Не перестану восхищаться
Его творенья чудесам,
И мог бы долго удивляться
Оттенкам, бликам, голосам,
Но всё я тороплюсь куда-то,
Всегда так много разных дел.
Столетье скоростью богато,
Всегда спешишь – вот наш удел!
Вокруг себя взгляните, люди!
Вы тоже дети красоты!
Что с нами в этом мире будет,
Коль жить в потоках суеты?
Вдохните лучше свежесть эту...
С теплом дыханья своего
Почувствуйте в лучах рассвета,
Всю радость прелести его.

Октябрь

Ковры из листьев стелет осень,
Приукрашая свой удел,
Уж инеем сверкает проседь,
Морщинки рябью на воде...
Всё чаще у неё капризы,
Играет ветер тихий блюз,
Хоть грустью мир её пронизан,
Но сладок увяданье вкус.
Звучит минор в туманной выси,
В прощальных криках журавлей
И в шорохе опавших листьев,
И в лёгком шелесте дождей...
В душе опять струится нежность

И возрождает тонкость чувств,
Чтоб видеть светлую
безбрежность,
Когда твой мир угрюм и пуст.
И солнце радуется улыбкой,
Горит румянец на щеках,
И осень вновь легко и гибко
Царит в мечтах, дарах, стихах...
Растит в полях густую озимь,
Задумчиво кружит листвою...
Капризна, но прекрасна осень,
И я люблю её такой.

Ноябрь

Ноябрь похож на вечер года,
За ним наступит ночь – зима.
Стоит холодная погода,
И быстро наступает тьма.
Порой мороз сменяет сырость,
Антициклон и вновь циклон,
Отзолотилось, откружилось,
Сухой листвою покрыт газон.
То с неба падают снежинки,
То серые дожди идут,
Но не исчезли сентябринки,
И хризантемы всё цветут!

Декабрь

Декабрь. Зима. Мороз и сырость.
Вначале снег, а вскоре дождь,
И вновь всё белизной

покрылось...

Чудесно! Взгляд не отведёшь!
Декабрь – красавец белолицый,
На месяц власть ему дана!
Он на снегу, как на странице,
Свои выводит письмена.
И есть в нём что-то непростое,
Но что – не сразу и поймёшь.
Такое доброе, родное,
Которое душою ждёшь.
Большое, светлое, как чудо,
Что обязательно придёт...
И это празднуемый всюду
Всегда желанный Новый год!

Литературная учёба

В связи со 130-летием известного советского прозаика и драматурга Константина Георгиевича Паустовского мы предлагаем вашему вниманию советы писателям из статей этого классика русской литературы XX века.

Радость творчества

(Константин Георгиевич Паустовский)

Почти каждому человеку, очевидно, знакомо ощущение неизбежного счастья. Оно как будто ждёт за порогом. Стоит только распахнуть дверь, чтобы счастье ворвалось, вместе с ветром и шумом листьев, в вашу комнату.

Это ощущение всегда застаёт нас врасплох. Чаще бьётся сердце, мысли, перебивая друг друга, теснятся в сознании, человек улыбается, сам не зная чему.

Так иногда бывает — идёт обыкновенный дождь, вы открываете окно, и вдруг вам кажется, что золотые обильные ливни льются над всей страной, и шум дождевых капель в лесах, в траве, в чащах садов говорит о богатстве, о блеске, о прекрасном будущем этой земли.

Радуи стоят торжественными триумфальными арками, входом в сказочные, затянутые дымом стихающих дождей, беззаботные страны.

Заметки писателя

Статья напечатана в «Литературной газете» 24 марта 1945 года.

В 1922 году я встретил в Одессе матроса Богуша. Он только что возвратился из Сиднея. Я знал, что матрос этот несколько лет проплавал по Тихому океану, и тотчас, конечно, пристал к нему с расспросами об островах Таити, Новой Зеландии и Новой Гвинее — земле Миклухо-Маклая. Но на все мои расспросы Богуш отвечал односложно, явно скучая:

— Да ничего там нету, товарищ, особенно жарко, как в бане, — и всё!

— А на Таити?

— И на Таити жарко.

— А на Суматре?

— Да там же жарче всего!

Больше из Богуша нельзя было выудить ни слова. Только один раз, решив, очевидно, доставить мне удовольствие, он сказал:

— Кушали мы на океане неплохо. Врать не буду — хорошо кушали.

Сотрудники газеты, в редакции которой происходил этот содержательный разговор с Богушем, отнеслись к нему по-разному. Одни только пожимали плечами, другие снисходительно усмехались, но никто не разделял негодования, охватившего молодого секретаря редакции. Он стонал от возмущения и хватался за голову.

— Если бы я увидел хоть тысячную долю того, что видел этот человек! — кричал он. — Вот уж действительно дуракам счастье.

— Чего вы кричите! — сказал старый сердитый репортёр. — Никакого счастья ваш Богуш не испытал. Надо же понимать! То, что для вас счастье, для него одна морока. И наоборот.

Случай с этим матросом вспомнился мне через много лет в Чуфут-Кале под Бахчисараем. Была чистая крымская весна. Древний город, высеченный в скалах, был полон неясных звуков — шороха ящериц, пчелиного гула, звона капель, падавших в заброшенный водоём, свиста стрижей, вылетающих, как маленькие снаряды, из каменных гнёзд.

Зрелище мёртвого города не располагало к болтовне. Огромность прожитого этими камнями времени вызывала у всех лёгкое оцепенение, наполненное мыслями о своём времени, своей жизни, необычайной силе земли, покрывшей эти руины пахучими цветами, обдувавшей их сотни и сотни лет весёлым разгонистым ветром с тёплых черноморских просторств.

Все молчали. Но один из нас — человек, настроенный дидактически и всегда обучавший всех, как надо жить, — сказал:

Или внезапно в памяти выплывают где-то давно прочитанные строки: «Из царства льдов, из царства вьюг и снега как чист и свеж твой вылетает май», — и по-новому, почти по-детски раскрывается облик недалёкой весны.

Когда в сознании писателя рождается книга, он испытывает такое же чувство приближающегося неизбежного счастья.

Ещё всё неясно. Ещё всё смешалось вокруг в дождевой пыли, в разноголосых криках птиц и людей, в шуме деревьев, в громогласии грома. Ещё сознание заполнено переключкой отдельных слов, мыслей, образов, сравнений, но сквозь всё это уже возникает даль свободного повествования.

В каждую книгу писатель уходит надолго, как уходит в просторы неизведанной страны исследователи и завоеватели. Он часто не знает, что его ждёт, какие реки, леса и горные кряжи он нанесёт на карты, каких неожиданных людей он встретит, свидетелем каких событий ему посчастливится быть.

Волнение писателя, начинающего книгу, сродни волнению человека, уходящего в глубину ещё не открытых и не рассказанных стран.

Тревога и радость — два самых сильных чувства, сопровождающих писателя на его пути. Тревога — обычный спутник его мучительной и упорной работы. Найдутся ли

— Представляете, как на этом пороге в те времена сварливая хозяйка рубила курицам шеи?

По существу, он не сказал ничего особенного. Он сказал лишь то, что пришло ему в голову перед лицом этой суровой древности. Но почему-то все сжались, и даже ослепительный день потух, как бы не выдержав сомнительной человеческой серости.

Для одного небо — кусок солдатского сукна, а для другого — это мощное движение облачных масс, содержащих в себе все краски и всё великолепие света. Для одного Финский залив — это грязная Маркизова лужа, а для другого — это страна бледной воды, туманного воздуха, дюн и песков, страна, прочно связанная с историей нашего народа, его устремлениями, его славой, с его поэзией, начиная от Баратынского и кончая поэтами-краснофлотцами из Кронштадта.

На первый взгляд может показаться, что этот разговор не имеет отношения к современной литературе, к войне, к нашей жизни. Отношение он имеет, и самое близкое.

Четвёртый год длится война. На памяти людей не было войн таких упорных и жестоких. Мы — не дети. Мы знаем, что война — это не статистический учёт подвигов и не батальный лубок. Мы испытали великие страдания, гибель близких людей, боль за свою страну, радость победы.

Война вошла в сознание человечества как исполнительная схватка благородства с низостью, тупости со светлым и всепобеждающим разумом. Из далей прошлого по-новому прозвучали голоса великих предков и установили непрерывную связь поколений, борющихся за всенародное счастье. Так восприняли войну её современники. Но не все. Человек со скучными глазами, лишённый полёта мысли и воображения, живуч и упрям. Так же живуч верхогляд. Они начали, в числе прочих, писать о войне, — скучно, казённо, не видя ни людей, ни их горя, работая безопасными штампами, сбрасывая со счетов великий подвиг первого года войны, исполнительное напряжение народных масс.

Они пытались представить в своих писаниях войну как апофеоз маленьких мыслей, как сюсюканье над героями. Мужество они заменяли бодростью, законную гордость — хвастовством, глубоко чуждым самому духу нашего народа — откровенного, не склонного к хвастовству, как не склонен к нему человек, знающий свою силу и потому пленительно скромный.

А если уж приходилось такому литератору воспевать скромность, то он делал это так нескромно, что у подлинных скромных героев — его прототипов — вся кровь бросалась в голову от стыда.

ясные и веские слова, чтобы рассказать обо всём увиденном и продуманном, рассказать об этом своему народу, — а его наш советский писатель всегда ощущает как друга. Хватит ли воли, свежести чувств, остроты мысли для того, чтобы взволновать книгой этого взыскательного друга?

Радость работы над книгой — это радость победы над временем, над пространством. Мне кажется, что у настоящих писателей в чувстве радости от законченной работы всегда есть частица чего-то сказочного. Как будто писатель крепко взял за руку друга и повёл его за собой в жизнь, в страну, полную событий и света. «Смотри!» — говорит он, и перед другом открываются двери домов, и он видит трогательные и печальные, смешные и героические истории, случившиеся около простых семейных очагов. «Смотри!» — снова говорит писатель, и жестокие бури проносятся над успокоенной землёй. «Ещё смотри», — и синие дни поднимаются вереницами над берегами морей...

Писатель испытывает радость от созерцания жизни, от размышлений, от той особой внутренней напряжённости и тишины, которая предшествует рождению книги, от множества как будто бы случайных вещей, дающих толчок для работы.

Такие очерки, рассказы, военные «зарисовки» мы часто встречаем на страницах газет, журналов, сборников. Нельзя мириться с этой школой плохого вкуса, оправдывая её условиями войны. Высокие идеи, во имя которых сражается человек, связаны и с его строгим вкусом ко всему окружающему, с его умением отличать фальшивое от подлинного, уродливое от прекрасного.

Если бы мы поверили некоторым авторам, то общее впечатление о наших современниках — участниках величайшей войны, и в особенности о героях, получилось бы в достаточной степени искажённым и неприятным. В рассказах и очерках такого рода героям дано механическое право совершать только подвиги, но у них отнято право быть подлинными, живыми людьми.

Невольно возникает мысль, что наш народ обеднён в таком изображении. Существуют типические свойства нашего солдата — те свойства, что всегда делали его образцом мужества и выносливости. Ясный ум, душевная простота, образная речь, любовь к своей земле, скромность, зоркий глаз, юмор — всё многообразие прекрасных свойств нашего солдата осталось не замеченным этими авторами и подменено изображением стандартно-примитивного человека или слегка перекроенного на отечественный лад «киплинговского» героя.

Примеров примитивного изображения людей, равно как и примеров писательской работы над пустяковыми и явно порочными темами, можно привести много.

Беру наугад книгу рассказов Колдунова. В первом же рассказе «Искра» изображён командир эскадрильи, оценивающий боевые качества своих лётчиков только по тому, как они едят. Другого мерила для этого командира «с крепкой шеей» и энергичного работающего чело-вечьями не существует.

«Посмотрим, каков ты в еде», — говорит он молодому лётчику, сажая его с собой за стол. Так в старые времена хозяева проверяли батраков, а к стати и рабочий скот, — чем больше ест батрак или лошадь, тем, значит, сильнее в работе. Но лётчик ест плохо. «Ест — всё равно что хоронит. Из такого теста хорошие лётчики не делают», — глубокомысленно заключает командир и начинает допекалать незадачливого юношу.

Но, к общей радости читателей, молодой лётчик оказывается вполне приличным героем и тем самым опровергает глуповатую теорию командира.

Ради этого написан весь рассказ.

Молодой лётчик, конечно, воплощённая скромность. Должно быть, в силу этого автор заставляет его на вопрос командира, сильно ли он ранен в бою, ответить: «Пустяки... в бровь клонуло».

Год назад я ехал в Севастополь. Где-то за Синельниковом поезд внезапно остановился в степи. После гула и грохота в вагоны вошла мягкая тишина. Пассажиры сразу притихли. Только ветер шелестел газетами, забытыми на столиках.

Я вышел. Стоял туманный мартовский день. Весенний разлив голубел вдаль, в степях над ним голубело неяркое и просторное небо. Тишина хлынула на нас. Она шла со всех сторон, из степей, из безмолвной деревни на косогоре. Она обступила и сжала остановившийся поезд...

Так вот бродишь в жизни и то тут, то там наталкиваешься на встречи, на какие-то часы тишины и сосредоточенности, на «закономерные случайности», и в это-то время и возникает обычно замысел книг. В этом есть особая радость — очень осязаемая, но трудно поддающаяся рассказу. Очевидно, это и есть то состояние, какое мы называем «радостью творчества».

Все отдают своей стране, своему народу знания, опыт, навыки, наконец, самую жизнь, если этого требует существование страны. Но у писателей есть одно невольное преимущество — они отдают своему народу ещё и великолепное чувство счастья. Поэтому так радостен писательский труд — тяжёлый и многолетний.

Автор не замечает, что этим наигранным, ухарским ответом он уничтожает всю продланную им раньше кропотливую работу по созданию образа очень скромного и незаметного героя.

Я не делаю выборки рассказов. Я беру те, что первыми попались мне под руки. В числе прочих попался и рассказ братьев Тур «Любовь». Любовь лётчика к девушке-лётчице. (Кстати, лётчик этот очень молчаливый и в минуты душевных потрясений реагирует на них тем, что заводит на патефоне какую-то «дурацкую пластинку»). Вообще страсть к молчаливым героям стала повальной в нашей военной литературе. Неужели этим героям нечего сказать?)

Лётчица вынуждена сесть из-за поломки мотора на вражеской земле. Её окружают немцы. Лётчик видит всё это с воздуха, соображает, что спасти любимую девушку он не сможет, и решает расстрелять её с воздуха из пулемёта, чтобы она не попала в плен. Только вмешательство других лётчиков мешает ему совершить этот «подвиг любви».

Что это? Непонятно. Зубоскальство или подмена нормальной человеческой психики дурным анекдотом, или отрицание у советского человека элементарных человеческих чувств? «Тайна сия (для читателей) велика есть».

Дидро был прав, когда говорил, что искусство состоит в том, чтобы открыть необыкновенное в обыкновенном и обыкновенное в необыкновенном. Но открыть обыкновенное в обыкновенном и необыкновенное в необыкновенном — это не искусство, не литература. Это — серая или слащавая писанина, не нужная ни уму, ни сердцу.

Нам нужны писатели, покоряющие силой таланта, но непременно разные. Величие, глубина и блеск литературы рождаются из многообразия мыслей и ощущений. Нельзя требовать от земли, чтобы она рождала только одну рожь или одни берёзы. Земля рождает всё — несметное количество разнообразных растений, и каждое из них ценно своими неповторимыми свойствами, в отличие от других. Но земля-то — одна, как одна та неизменная идея, которая определяет жизнь страны и сознание каждого из нас. Все мы — дети одной идеи. Но мы не должны быть похожи друг на друга, как стократное отражение в зеркале одного и того же лица.

Разнообразие талантливых книг — значительных и пропитанных воздухом времени — таков путь нашей литературы. Путь содружества писателей — хороших и разных. На этом пути нас ждут блестящие завоевания. Но никак не на пути серости, однообразия и дешёвого умиления.